

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА (опыт христианского дискурса)

Бог есть совершенство, и потому творение мира есть акт, исполненный совершенства. Сотворенный мир гармоничен и совершенен, и отношения гармонии и совершенства суть закон мироздания. Следование божественным законам есть жизнь, так как Сам Бог и есть жизнь нескончаемая, полная и всесовершенная. Отступление же от божественных законов с неизбежностью приводит к ущербу и смерти, поскольку такое отступление есть не что иное, как отступление от Бога, а, следовательно, от бытия и жизни, которые могут быть только в Боге, и все живет и существует постольку, поскольку оно пребывает в Боге и следует Его строю. «Ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян 17:28).

Если следование всего творения природному закону абсолютно и неизменно, то человек, по естеству обладая образом божественной свободы, может свободно соблюдать, а может и не соблюдать строй космического бытия. Соблюдение закона мира Божиего приводит к жизни, нарушение же его влечет смерть: «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. [Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего]... и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить... если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь... то... погибнете, и не пробудете долго на земле» (Втор 30:15–18). В социальных законах причина и следствие, нарушение и воздаяние часто не следуют немедленно одно за другим, но бывают разделены многими годами и даже поколениями. «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Втор 5:9–10). Такая разведённость преступления и наказания, с одной стороны, сохраняет за человеком свободу, а с другой, заставляя разумных и благочестивых с особым вниманием исследовать Божественные установления дабы научиться отличать правильное от неправильного, законное от незаконного.

Многочисленные собрания поучений и законоустановлений — одни из древнейших памятников письменного слова (поучения Джедефхора, Кагемни и Птаххотепа в Египте, законы Липит-Иштар в Шумере относятся к первой половине III тысячелетия до Р. Х.), и безусловно они восходят к еще более раннему дописьменному бытию человечества, поскольку дело закона написано Богом в сердцах человеческих (Рим 2:15).

Первые законоустановления даются человеку еще в раю (Быт 1:12; 2:16–17 и т. д.). После же грехопадения, которое есть и нарушение человеком божественного закона, закон становится рамкой, определяющей границу, не выходя за которую человек может жить в ладу с Богом и со своей совестью.

Право есть осознанное людьми проявление единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Право не касается внутренних состояний человеческого сердца, не определяет их. Сердцеведцем является Бог, а не человек. Но внешние проявления человеческой личности являются объектом правовой регламентации. Основополагающий принцип права: «Не делай другому того, что не желаешь себе». И потому, если человек совершил против другого некий несправедливый поступок, то ущерб, нанесенный целостности божественного миропорядка, может быть восполнен через страдание преступника, соответствующее тому страданию, на которое тот обрек свою жертву. В элементарной форме это выглядит как принцип «око за око, зуб за зуб». Но понимание того, где проходит «грань уязвления», отделяющая человека от человека, различалось в разных обществах и в различные эпохи.

Чем более глубоко религиозно ориентированным является человеческое сообщество, тем больше в нем сознание единства, целокупности мира. Люди в таком религиозно целостном (холистическом) обществе рассматривают себя в двух планах: и как уникальные личности, предстоящие Творцу, перед Ним «стоящие или падающие» (Рим 14:4) и потому не судимые другими людьми; и как члены единого общественного тела, в котором болезнь одного органа приводит к недомоганию, а то и к смерти всего организма. В этом, втором, случае каждый социальный член, каждый человек может и должен быть судим общиной, миром, поскольку действия одного влияют на многих. Стяжание мирного духа одним праведником, по слову преподобного Серафима Саровского, приводит к спасению тысяч людей вокруг, а совершение греха одним беззаконником влечет гибель многих.

«С мужем невинным будешь невинен и с избранным будешь избран, а с развращенным развратишься» (Пс 17:26–27). «Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (Прит 11:11). Святитель Василий Великий поучал страдавших от жажды и голода жителей Кесарии Каппадокийской: «И за немногих приходят бедствия на целый народ, и за злодеяния одного вкушают плоды его многие. Ахар учинил святотатство, и побит был весь полк; еще Замврий блудодействовал с мадианитянкою, и Израиль понес наказание (Василий Великий. Соч. Т. 4. 1846. С. 130). О том же пишет святитель Киприан преподобному Сергию Радонежскому и брату его Феодору 23 июня 1378 года: «Не весте ли, яко грех людский на князи и княжеский грех на люди нападает?»

Поэтому древние судебники регламентируют нормы, которые ныне кажутся светскому праву находящимися вне поля правового регулирования. Например, скотоложество или прелюбодеяние подлежали, по правовым установлениям Пятикнижия, смертной казни (Исх 22:19; Лев 20:10), а в настоящее время и то и другое не рассматриваются вовсе как правонарушение (или, во втором случае, лишь как нарушение брачного контракта, если он включал обязательство воздержания от побочных связей).

При утрате виденья мира в его целокупности поле правового регулирования сокращается лишь до случаев *очевидного* ущерба, да и рамки последнего уменьшаются вместе с разрушением общественной нравственности и секуляризации сознания. Например, колдовство, являвшееся тяжким преступлением в древних сообществах, ныне рассматривается правом как мнимое действие (подобно психопатической убежденности больного, что он Гитлер или Стенька Разин) и потому не наказывается.

Историческая и цивилизационная подвижность человеческого сознания и его органическая падшесть не позволяют ему принять Божественный закон во всей полноте. В разные эпохи и в различных сообществах сознаваемой была лишь часть Божественного закона. Это хорошо показано в евангельской беседе Спасителя о разводе. Моисей позволил расторгать брак соплеменникам «по их жестокосердию», «от начала» же было иначе, так как в браке человек становится «одной плотью» с женою, брак нерасторжим (Мф 19:3–9). Но в тех случаях, когда человеческий закон не отчасти фиксирует абсолютную божественную норму, но отвергает ее, заменяя противоположной, он перестает быть законом и становится беззаконием, в какие бы правовые одежды не рядился.

Например, в законе Декалога ясно сказано: «чти отца и мать свою». И если какой-либо светский закон объявит почтительное отношение к родителям преступлением, преступником будет сам законодатель, а не неисполнитель его закона. Иными словами, человеческий закон никогда не содержит божественного закона во всей полноте, но чтобы оставаться законом, он обязательно должен соответствовать божественным принципам, Истине и Жизни, а не противоречить им. Поэтому до настоящего времени у большинства народов сохраняется отношение к праву как к святыне. Клятва на Библии во время судейской присяги во многих странах мира — прекрасное тому свидетельство. Но ныне право нечасто сознается как теофания.

В результате изменений в миросозерцании европейского человека в XVIII—XX веках, божественную и естественную теории права сменила теория позитивная. Естественная (органическая, натуральная) теория права строится на принципе, что понятия добра и зла естественно присущи человеческой природе, и потому право вырастает из самой жизни, основываясь на совести («категорическом нравственном императиве»). Вплоть до XIX столетия эта теория была общепринятой в европейском обществе и устраивала как религиозную, так и секулярную его части. Практическими следствиями этой теории были, во-первых, принцип исторической непрерывности правового поля (право нельзя отменить, как нельзя отменить совесть, его можно только усовершенствовать и подстроить законным же способом к новым обстоятельствам и случаям) и, во-вторых, принцип прецедентности (судья и/или коллегия присяжных, сообразуясь со своей совестью и с правовым обычаем, могут вынести правильное, то есть соответствующее Правде Божией, судебное решение).

XX век создал новую, так называемую позитивную, теорию права, в соответствии с которой право — это человеческое изобретение, конструкция, которую общество создает для своей пользы, для решения задач, которые оно ставит перед собой. В соответствии с позитивной теорией, любые изменения права, если они приняты обществом, законны. За писанным кодексом нет никакой абсолютной правовой парадигмы. В системе позитивного права законна революция, силой отвергающая законы «старого мира», законно и полное отрицание нравственной нормы, если такое отрицание одобряется обществом. Скажем, если современное сообщество не считает аборт убийством ребенка, он таковым и не является, с точки зрения

права. Позитивное право полагает, что общество может выдумывать любые нормы, а с другой стороны, считает любой действующий в обществе закон законным уже в силу его общественного признания и актуального существования.

Позитивное право превращает национальный правопорядок в инструмент для решения каких-либо внешних, социальных задач, которые ставит перед собой общество, то есть приписывает праву исключительно прикладное значение, а не считает его мерилom, по которому может судиться само общество. Практика тоталитарных режимов XX века, объявивших законом явное, с точки зрения божественного миропорядка, беззаконие, глубоко скомпрометировала принципы позитивного права и доказала необходимость и возможность нравственного суда над изменившим своим божественным основам национальным правопорядком.

В системе же естественного права национальный правопорядок — это частный вариант общего мироустроющего закона, присущий определенному народу, данной земле. Общечеловеческие принципы отношений человека с человеком, власти с обществом, учреждений друг с другом национальный закон проявляет соответственно конкретному народу, движущемуся в истории, но всегда сохраняющему собственное лицо, свою личность. Национальное право несовершенно, так как несовершенно, грешен любой народ, но оно мерно народу, оно создает рамку народной жизни, переводит и приспособливает абсолютные истины Божии к конкретному историческому и национальному бытию. Когда национальный правопорядок отменяется или попирается, общество ввергается в пучину беззакония, хотя внешне новой системе может быть придан вид законности.

Например, русский правопорядок на протяжении тысячелетия постепенно развивался, усложнялся вместе с развитием, усложнением самого нашего общества. К обычному славянскому праву, сохранявшему к X веку кое в чем еще древние общечеловеческие формы, прибавились, с христианизацией, элементы византийского законодательства, через кодекс Юстиниана восходившие к классическому римскому праву, и каноны церковного права, сплавленные тогда с правом гражданским. С XVII столетия русское право активно акцептирует нормы и саму юридическую логику западноевропейского законодательства и акцептирует достаточно органично, так как базисная для Европы римская правовая традиция была воспринята Русью от Константинополя вместе с христианством еще в X—XI веках.

Древняя Русская Правда, княжеские уставы и уставные грамоты, судные грамоты и судебники, Стоглав и Соборное уложение 1649 года, петровские артикулы и указы, законодательные акты Екатерины Великой и Александра I, Великие реформы Александра II и Основные государственные законы 1906 года являли собой единую правовую ткань создающегося народного организма. Одни нормы устаревали, отмирали, другие приходили им на смену. Некоторые правовые новации оказывались неудачными, не со-ответственными строю народной жизни и переставали применяться. Это была земная жизнь, и, как любая такая жизнь, она несла в себе существенное и случайное, вечное и сиюминутное. Но течение реки русского национального правопорядка, теряющей своими истоками в далекой доистории, было остановлено 1917 годом. 22 ноября 1917 года Совет народных комиссаров, сообразуясь с духом позитивной теории права, отменил все российское законодательство. После окончательного установления власти большевиков в России, в 1922 году, вполне обнаружилось последствие декрета 22 ноября 1917 года — на многие десятилетия, а во многом и до сего дня, русское государство было ввергнуто в пучину беззакония, что привело к десяткам миллионов убийств, неслыханным издевательствам над личностью, попранию всех гражданских, имущественных и политических прав российских граждан.

И такие страшные последствия отказа от национального правопорядка не случайны. Исторически религиозное и светское право происходят из одного источника и долгое время являлись лишь двумя аспектами единого правового поля, подобно уголовному и гражданскому праву современного законодательства. Едина была и цель права — предоставить человеку возможность вернуться к Богу, проявив послушание Его воле. Такое представление о праве характерно для Ветхого Завета, для индуизма, ислама.

Господь Иисус Христос, призвав верных Ему в Царство не от мира сего, разделил (Лк 12:52) тело мира, лежащее во зле, и Церковь, как Его тело. В христианстве внутренний закон Церкви стал свободен от духовного состояния мира и даже противопоставлен ему (Мф 5:21—47). Но это противопоставление есть не нарушение, но как раз исполнение закона — того закона полноты божественной Правды, которого отвергло человечество в грехопадении. Противопоставления ветхозаветной нормы норме Благой Вести Господь заканчивает призывом к полному тождеству с абсолютным божественным зако-

ном, то есть к обожению: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48).

Если иные религиозные законоустановления (шариат, законы Ману, законы Торы, конфуцианские нормы) даны для отпавшего от Бога человечества и потому социальны и могут быть частью гражданского законодательства, то христианское право принципиально надсоциально. Оно не может быть частью гражданского законодательства, хотя в обществах, желавших быть христианскими, оно является его основой, подобно личной совести в деятельности праведного судьи. Христианские государства легко использовали модифицированное право языческого времени (например, римское право в кодексе Юстиниана), поскольку и в нем пребывала божественная Правда, но все попытки создать христианское гражданское, уголовное или государственное право неизменно кончались неудачей. Ибо без воцерковления полноты жизни, то есть без полной победы над грехом, право Церкви не может стать правом мира. А победа эта возможна лишь в эсхатологическом плане.

Именно христианский мир только и мог породить идею неотъемлемых прав человеческой личности. Это — права человека как образа и подобия Божиего, как онтологически свободного существа. А потому и тоталитарные режимы, попирающие свободу человека, в христианских сообществах обязательно должны были стать режимами богоборческими.

«Рассмотри окружающее тебя и знай, что начальники и владыки имеют власть над телом только, а не над душою, и всегда содержи сие в мысли твоей. Почему, когда они приказывают, например, убить или другое что сделать неуместное, несправедное и душевредное, не должно их слушать, хотя бы они и мучили тело. Бог создал душу свободною и самовластною, и она вольна поступать как хочет — хорошо или худо» (прп. Антоний Египетский. Наставления. 2, 21).

Христианская социально-государственная этика требовала оставить человеку автономную сферу, где его совесть останется «самовластным» хозяином и от склонения его воли в которой в конечном счете и зависит спасение и гибель, путь ко Христу или путь от Христа. Когда византийский император-монофелит Константин потребовал у преподобного Максима отречения от православного исповедания христианской веры, тот ответил: «Что не повелит мне царь о каком бы то ни было предмете разрушающемся и погибающем вместе с этим веком, охотно сделаю». В вопросах же духовных Максим остался

тверд и не подчинился царской воле, за что принял жестокую казнь и заслужил имя «Исповедника».

Поэтому права человека на свободу совести, на жизнь, на семью являются защитой от произвола внешней силы сокровенных оснований человеческой свободы воли. К ним могут быть добавлены необходимые внешние права, гарантирующие вышеперечисленные внутренние: право на свободу передвижения, право на свободу получения информации и право на создание, обладание и передачу имущества.

Бог свято хранит онтологическую свободу человека, никогда не насилуя его волю. Напротив, сатана стремится завладеть волей человека, поработить его. Если право соотносится с божественной Правдой, явленной Господом Иисусом Христом, то и оно стоит на страже человеческой свободы («где Дух Господень — там свобода») и, соответственно, охраняет неотъемлемые права личности. Те же традиции, которым незнаком принцип Христовой свободы личности, неизменно стремятся подчинить свободу человека воле коллектива, общины. Иногда право на свободу дается только отшельникам, умершим для мира, но не мирянам-домохозяевам, и внутренняя и внешняя жизнь которых полностью регламентирована (индуистская традиция).

По мере секуляризации европейской жизни высокие принципы неотчуждаемых прав личности превратились в права индивидуума вне его связи с Богом, а охрана свободы воли трансформировалась в защиту своеволия — там, где оно не вредит иным индивидуумам — и в требования от государства достойного существования индивидуума и семьи вне зависимости от вложенного труда (так называемые социальные права). В современном светском гуманистическом понимании прав человека человек как «образ Божий» практически полностью замещен человеком как самодостаточной и самодовлеющей монадой. Но вне Бога существует, да и то в относительном плане, лишь эмпирически нам известный, падший и глубоко растлившийся человек, весьма далекий от чаемого христианами идеала совершенства, явленного во Христе («се — Человек»), а поэтому и права такого обезбоженного индивидуума легко могут нарушаться государством, отбрасываться, отчуждаться коллективом, превращаться лишь в ничего не значащий агитационный лозунг. Бесчеловечные и богоборческие тирании XX века в полной мере явили образ такого превращенного в бесправие, лишённого своих Божественных оснований права — в «мерзость запустения, стоящую на святом месте».